

Е. П. Блаватская

КОРНИ РИТУАЛИЗМА В ЦЕРКВИ И МАСОНСТВЕ

I

Теософов очень часто и весьма несправедливо обвиняют в неверии и даже атеизме. Это является серьезной ошибкой, особенно — в отношении последнего обвинения. В большом обществе, состоящем из столь многих рас и национальностей, в объединении, в котором каждый мужчина или каждая женщина предоставлены возможности верить в то, что он любит, и следовать или не следовать — по своему желанию — той религии, в которой он был рожден и воспитан, для атеизма остается совсем немного свободного пространства. Что же касается «неверия», то оно, в данном случае становится либо заблуждением, либо неправильным употреблением этого слова. Чтобы показать всю абсурдность этого обвинения, во всяком случае, достаточно попросить наших клеветников указать нам во всем цивилизованном мире такого человека, который не рассматривался бы как «неверующий» каким-либо другим человеком, принадлежащим к несколько иной вере. И при этом совершенно все равно, вращается ли он в респектабельных и ортодоксальных кругах, или же — в так называемом еретическом «обществе». Происходит взаимное обвинение, выражаемое молчаливо, если не в открытую, своего рода ментальная игра в воланы, которыми перебрасываются, сохраняя вежливое молчание. Таким образом, по сути дела, какой-нибудь теософ, не в большей степени, нежели не-теософ, может быть неверующим; с другой стороны, в то же время не существует ни одного человека, который не был бы неверующим в глазах той или другой секты. Что же касается обвинения в атеизме, то это совсем другой вопрос. Прежде всего мы спрашиваем, что же такое атеизм? Есть ли это неверие и отрицание существования бога или богов, или же просто отказ от признания личного божества, по несколько излишне сентиментальному определению Р. Холла, который называет атеизм «ужасной системой», поскольку «она не оставляет ничего над(?) нами, что бы вызывало благоговение, и ничего вокруг нас, что бы пробуждало нежность(!)». В отношении первого выразили бы свои возражения многие из наших членов — из Индии, Бирмы и других мест — поскольку они веруют в богов и высшие существа, и испытывают большое благоговение перед некоторыми из них. Также и многие западные теософы не изменили бы своей вере в духов, пространственных или планетарных, духов умерших или ангелов. Многие из нас признают существование высших и низших Разумов и Существ столь же великих, как и любой «личный» бог. Это не является оккультной тайной. И то, что мы утверждали ранее, мы повторяем вновь. Большинство из нас верят в продолжение жизни духовных эго, в планетарных духах и нирманакаях, тех великих адептов прошлых веков, которые, отказавшись от своего права на вхождение в нирвану, остались в наших сферах бытия не как «духи», но как в полной мере духовные человеческие Существа. За исключением своей телесной, видимой оболочки, которую они покидают, они остаются для помощи бедному человечеству столь долго, сколько они могут это делать, не совершая греха против кармического закона. Это поистине «Великое Отречение»; непрестанное, сознательное самопожертвование в течение эонов и веков вплоть до того дня, когда глаза слепого человечества откроются и, вместо немногих избранных, все увидят универсальную истину. Эти Существа легко могли бы рассматриваться как бог или боги, если бы они только позволили огню в наших сердцах, при мысли об этой чистейшей изо всех жертв, разгореться и стать пламенем обожания, или пусть даже самым маленьким алтарем в их честь. Но они не делают этого. Поистине, «тайное сердце — это (лишь) храм чистой Преданности», а все остальное в этом случае было бы не лучше, чем хвостовство непосвященного.

Теперь о том, что касается других невидимых существ, одни из которых являются еще более возвышенными, а другие — более низкими на шкале божественной эволюции. Нам нечего сказать этим последним; первым же нечего сказать нам: ибо мы для них все равно

что не существуем. Гомогенное и постоянное не может понять гетерогенное и непостоянное; и пока мы не научимся покидать наш бранный мир и общаться с ними как «дух с духом», мы едва ли сможем распознать их истинную природу. Кроме того, каждый истинный теософ полагает, что божественная ВЫСШАЯ ЛИЧНОСТЬ каждого смертного человека — это та же самая сущность, что и сущность этих богов. И более того, наделенные свободной волей, а следовательно — обладающие большей, чем они, ответственностью — мы рассматриваем воплощенное Эго как более возвышенное, если не более божественное, чем любой духовный РАЗУМ, который еще только ожидает воплощения. С философской точки зрения разумность всего этого очевидна, и каждый метафизик восточной школы поймет это. Воплощенное Эго имеет преимущество перед тем, которое не существовало, в случае чистой божественной Сущности, не связанной с материей; последнее не имеет личных заслуг, в то время как первое проходит на своем пути к конечному совершенству через испытания существования, боли и страданий. Тень кармы не опускается на того, кто божественен и чист, и столь отличен от нас, что между нами невозможны никакие отношения. Что же касается тех божеств, которые считаются в индийском эзотерическом пантеоне конечными, и потому находящимися под властью кармы, — то никакой истинный философ никогда не стал бы поклоняться им; они являются знаками и символами.

В таком случае должны ли мы будем считаться атеистами лишь потому, что хотя мы и верим в Духовное Воинство — существа, которым следует поклоняться всем вместе как личному Богу — мы полностью отрицаем их, поскольку они представляют ЕДИНОЕ Неизвестное? и потому что мы утверждаем, что вечный принцип, ВСЕ во ВСЕМ, или Абсолютность Тотальности, не может быть выражена ограниченными словами, или с помощью условных и произвольно выбранных признаков? Должны ли мы, более того, оставить без протеста обвинение нас и других людей в идолопоклонничестве — со стороны католиков? Тех, чья религия является столь же языческой, сколь любая другая религия людей, поклоняющихся солнцу и стихиям; чья вера была разработана для них в законченном виде за столетия до наступления христианской эры; и чьи догмы и ритуалы совершенно одинаковы с таковыми у любой идолопоклоннической нации — если вообще такая нация продолжает свое духовное существование где-либо в наши дни. Повсюду на земле, от Северного до Южного полюса, от замерзших заливов Гренландии до знойных равнин Южной Индии, от Центральной Америки до Греции и Халдеи, люди совершали поклонение Солнечному Огню, как символу божественной Творящей Силы, Жизни и Любви. Союз Солнца (мужского элемента) с Землей и Водой (материей, женским элементом) прославлялся в храмах во всей вселенной. Если у язычников был праздник, отмечающий этот союз, — который они праздновали за девять месяцев до зимнего солнцестояния, когда, как говорили, зачала Изида, — то же самое происходит и у римских католиков. Великий и святой день Благовещения, день, когда Дева Мария «обрела благодать (своего) Бога» и зачала «Сына Высочайшего», празднуется христианами за девять месяцев до Рождества. Отсюда и культ Огня, свечей и светильников в церквях. Почему? Потому что Вулкан, бог огня, взял в жены Венеру, дочь Моря; поэтому маги наблюдали за священным огнем на Востоке, а девы-весталки — на Западе. Солнце было «Отцом»; Природа — вечная Дева-Мать; Осирис и Изида, Дух-Материя, и последней поклонялись в каждом из ее трех состояний и язычники, и христиане. Поэтому Девы — даже в Японии — облаченные в усыпанную звездами голубизну и стоящие на лунном полумесяце, символизировали женскую Природу (в ее трех элементах, которые суть Воздух, Вода и Огонь); Огонь, или мужское Солнце, ежегодно оплодотворяет ее своими лучами, которые он испускает («раздвоенные языки, подобные огню» у Святого Духа). В Калевале, древнейшей эпической поэме финнов, в до-христианском происхождении которой у ученых не осталось никаких сомнений, мы читаем о богах Финляндии, богах воздуха и воды, огня и леса, неба и земли. В 50-й руне (2-ой том) читатель обнаруживает

всю легенду о Деве Марии в "Марьятте, дочери прекрасной, Деве-Матери Северной страны..."

Укко, великий дух, обитающий в Юмале, на небе, или Небесах, выбирает Деву Мариатту в качестве оболочки, чтобы воплотиться через нее в Человеко-Бога. Она становится беременной, когда собирает и ест красные ягоды [брусники] (marja), и, отвергнутая своими родителями, дает жизнь «Сыну бессмертному» в кормушке в хлеву. Далее «Святой Ребенок» исчезает, и Марьятта разыскивает его. Она спрашивает у звезды, «путеводной звезды Северной страны», где «сокрыт святой ребенок», но звезда гневно отвечает ей:

Если б знала, не сказала б —

Это он, сынок твой, сделал,

Чтобы эти дни плохие

Я на холоде блистала

В темноте бы я мерцала...

и ничего не рассказывает Деве. Также не ничего не расскажет ей и золотая луна, потому что ребенок Мариатты создал и ее, оставив на великом небе:

Говорит в ответ ей месяц —

Если б знал, так не сказал бы,

Это он, сынок твой, сделал,

Чтобы эти дни плохие

По ночам ходил я стражем

А в течение дня спал бы...

И только «Серебряное Солнце», пожалев Деву-Мать, говорит ей:

Знаю милого малютку,

Твоего сынка, бедняжка!

Вот где твой сынок-малютка,

Это яблочко золотое,

Он увяз по пояс в топях,

Он в песке увяз по плечи

Она относит святого ребенка домой, и в то время как она называет его «Цветком»,

Остальные зовут его Сыном Печали.

Не является ли эта легенда постхристианской? Вовсе нет; ибо, как говорят о ней, она совершенно языческая по происхождению и потому признается дохристианской.

Следовательно, с такого рода фактами в литературе, должны прекратиться всяческие постоянно повторяющиеся насмешки по поводу идолопоклонства и атеизма, неверия и язычества. Более того, сам термин «идолопоклонство» имеет христианское происхождение. Он применялся древними назорейцами в течение двух с половиной веков нашей эры против тех народов, которые использовали храмы и церкви, статуи и изображения, потому что сами они, ранние христиане, не имели ни храмов, ни статуй, ни изображений, и питали ко всему этому глубокое отвращение. Посему термин «идолопоклонство» намного лучше применим к нашим обвинителям, нежели к нам самим, что мы и покажем в данной статье. С Мадоннами на каждом перекрестке, со своими тысячами статуй, от Христа и ангелов во всевозможном виде до пап и святых, — для католиков очень опасно говорить колкости об идолопоклонстве про каких-либо индузов или буддистов. Теперь же нам следует доказать это утверждение.

II

Мы можем начать с происхождения слова «Бог» (God). Каково истинное и первоначальное значение этого термина? Его значения и их этимология столь же многочисленны, сколь и разнообразны. Одно из них показывает, что это слово образовано от древнеперсидского мистического термина года. Он значит «сам», или нечто, самоизлучаемое абсолютным Принципом. Корень этого слова — годан, отсюда Водан,

Воден и Один; восточный корень остался совершенно неизменным германскими расами. Таким образом они сделали из него готт, от которого было образовано прилагательное гут — «good» (добрый), так же как и термин готц, или идол. В древней Греции слова Зевс и Теос привели к образованию латинского Деус. Эта года, эманация, не идентична, и не может быть идентичной с тем, из чего она излучается, и поэтому представляет собой лишь периодическое, конечное проявление. Древний Аратус, который писал, что «наполнены Зевсом все улицы и рынки людей; полны Им море и гавани», не ограничивал свое божество лишь таким временным отражением на нашем земном плане, как Зевс, или даже его прототип — Дьяус, но поистине имел ввиду универсальный, вездесущий Принцип. Прежде чем лучезарный бог Дьяус (небо) привлек внимание людей, существовал ведийский Тад («тот»), который для посвященных и философов не имел определенного имени и был абсолютной Тьмой, лежащей в основе любого проявленного сияния. Сурья, Солнце, первое проявление в мире Майи и Сын Дьяуса, столь же неудачно назывался непосвященными «Отцом», как и мифический Юпитер — последнее отражение Зевса. Таким образом, Солнце очень скоро стало объединяться с Дьяусом, означать с ним одно и то же; для некоторых — «Сын», для других — «Отец» в сияющем небе; Дьяус-Питар, Отец в Сыне и Сын в Отце, поистине обнаруживает свое первичное происхождение, поскольку он имеет Землю в качестве своей жены. В течение долгого упадка метафизической философии, Дьява-притхиви, «Небо и Земля», стали представляться как Универсальные космические родители не только человека, но также и богов. От первоначального представления, абстрактного и поэтического, идеальный мотив видоизменился и приобрел грубые черты. Дьяус, небо, очень скоро стал Дьяусом, или Небесами, жилищем «Отца», и наконец, поистине, самим Отцом. Тогда и Солнце, из которого делали символ последнего и наделяли его именем Дина-Кара, «создатель дня», Бхаскара, «творец света», теперь стало Отцом Сына и *vice versa* [наоборот]. С тех пор было установлено царство ритуализма и антропоморфических культов, которое привело весь мир к окончательному упадку; и оно сохраняет свое владычество и в наш цивилизованный век.

Чтобы показать такое общее происхождение, мы должны лишь сопоставить два божества — бога язычников и бога евреев — на основе их собственного открытого СЛОВА; и судить о них по их собственным соответствующим определениям, интуитивно делая заключение, какое из них находится более близко к высочайшему идеалу. Мы процитируем полковника Ингерсолла, который провел параллели между Иеговой и Брахмой, сравнивая их друг с другом. Первый, «из облаков и тьмы Синайской», сказал евреям:

«Да не будет у тебя богов других сверх Меня... Не поклоняйся им и не подчиняйся им; ибо Я, Господь Бог твой, Бог ревнующий, карающий за вину отцов детей третьего и четвертого поколения тех, кто ненавидит Меня». Сравните это со словами, которые индусы вкладывают в уста Брахмы: «Я есть то же самое, что и все человечество. Те, кто искренне служат другим богам, произвольно поклоняются мне. Я участвую во всех культах, и Я есть награда для всех поклоняющихся». Сравните эти отрывки. Первый, как некая темница, где ползают существа, порожденные слизью ревности; последний, великий как купол небесного свода, украшенного солнцами...

Этот «первый» бог появился в воображении Кальвина, когда он добавил к своему учению о предопределении, что Ад вымощен черепами некрещеных младенцев. Верования и догмы наших церквей являются во много большей степени богохульными по тем идеям, которые они в себе содержат, чем учения темных язычников. Любовные истории про Брахму и его собственную дочь, представленных в виде оленей, или про Юпитера и Леду, — в виде лебедей, — это великие аллегории. Они никогда не выдавались за откровение, но известны нам как творения Гесиода и других мифологов. Можем ли мы сказать то же самое о непорочных дочерях бога римско-католической церкви — об Анне и Марии? И все же, даже если сказать, что и евангельские рассказы являются также аллегориями, —

так как они были бы ужасным святотатством, если понимать их в буквальном смысле, — то это будет для человека, рожденного христианином, наивысшим богохульством! Поистине, они могут столь много, сколько им угодно, приукрашивать и маскировать бога Авраама и Исаака, но никогда не смогут опровергнуть утверждение Маркиона, который отрицал, что Бог Ненависти может быть тем же, кто и «Отец Иисуса». Ересь это или нет, но «Отец Небесный» остается с тех пор гибридным созданием; смешением Юпитера языческой толпы и «ревнующего Бога» Мисея, экзотерического СОЛНЦА, обитающего на Небесах, или на небе, эзотерически. Не он ли породил СВЕТ, «который светит во Тьме», День, сияющий Дьяус, Солнце, и не есть ли он ВСЕВЫШНИЙ — Deus Coelum? И опять-таки, не есть ли это Тетта, «Земля», вечно непорочная, как любая плодоносная Дева, которая, оплодотворенная в страстных объятиях своего «Господа» — оплодотворяющих лучах Солнца — становится на нашем материальном плане матерью всего того, что живет и дышит на ее широкой груди? Отсюда и сакральность ее продуктов в ритуализме — хлеба и вина. Отсюда также и древнее мессис, жертвоприношение богине урожая (Церере Элевсинской, опять-таки Земле): мессис — для посвященных, мисса — для профанов,* и ныне они трансформированы в христианскую мессу, или литургию. Древнее принесение в жертву плодов Земли Солнцу, Deus Aitissimus, «Всевышнему», символу G.A.O.T.U. у масонов до наших дней, стало основой для наиболее важных ритуалов среди церемоний новых религий. Культ Осириса-Изиды (Солнца и Земли),** Ваала и крестообразной Астарты в Вавилоне; Одина или Тора и Фрии у скандинавов; Белена и Virgo Paritura у кельтов; Аполлона и Magna Mater у греков; — все эти пары, имеющие одинаковый смысл, целиком перешли в христианство и были преобразованы в Господа Бога, или Святого Духа, снизошедшего на Деву Марию.

* От рго, «перед», и fanum, «храм», то есть не-посвященный, который стоит перед храмом, но не смеет войти туда.— (См. труды Рагона).

** Земля и Луна, ее родители, неразделимы. Таковы были все лунные богини, которые также представляли собой символы Земли.— См. «Тайную Доктрину», «Символизм». Deus Sol, или Solus, Отец, был сделан неотличимым от Сына: «Отец» в своей полуденной славе, он становился «Сыном» на восходе Солнца, когда, как говорили, он «рождается». Это представление ежегодно достигает своей кульминации 25 декабря, во время зимнего солнцестояния, когда говорят, что Солнце — следовательно, солнечные боги у всех народов — рождается. Natalis solis invicte. И «предшественник» воскресающего Солнца растет и сильно увеличивается вплоть до весеннего равноденствия, когда бог солнца начинает свой ежегодный путь под знаком Овна, или Агнца, в первую лунную неделю месяца. 1-й день марта был праздником во всей языческой Греции, так как его новолуние посвящалось Диане. Христианские народы празднуют свою Пасху по тем же самым причинам в первое воскресенье, которое следует за полнолунием после весеннего равноденствия. Церковные облачения языческих жрецов и иерофантов на их празднованиях были скопированы христианством. Будет ли кто-либо отрицать это? В своей «Жизни Константина» Евсевий утверждает — и это, однако, единственная истина, которую он когда-либо высказал за всю свою жизнь — что «чтобы сделать христианство более подходящим для язычников, священники (Христа) приняли внешние облачения и украшения, используемые в языческом культе». И мы могли бы добавить, что также — «их ритуалы» и догмы.

III

Это является вопросом истории — сколь бы ненадежной она ни была — рассмотрение многих фактов, сохраненных древними авторами и подтверждающих то, что церковный ритуализм и масонство произошли из одного источника и развивались рука об руку друг с другом. Но так как масонство, даже со всеми его ошибками и поздними нововведениями, было много ближе к истине, чем церковь, то последняя очень скоро начала свои

преследования против масонов. Масонство по своему происхождению было просто древним гностицизмом, или ранним эзотерическим христианством; церковный ритуализм был и остается экзотерическим язычеством в чистом виде — реконструированным, если не сказать реформированным. Почитайте труды Рагона, масона, который забыл больше, чем знают современные масоны. Изучите, сравнивая их друг с другом, случайные, но многочисленные утверждения, сделанные греческим и латинскими писателями, многие из которых были посвященными, высокоучеными неопитами и участниками мистерий. Прочитайте, наконец, искусные и злобные клеветнические писания отцов церкви против гностиков, мистерий и их посвященных, — и вы можете в конце концов разгадать истину. Те немногие философы, которые, гонимые политическими событиями времени, выслеживались и преследовались фанатичными епископами раннего христианства — все же еще не имевшими ни установленного ритуала, ни догм, ни церкви — это и есть те самые язычники, которые основали последнюю. Весьма искусно смешивая истины Религии-Мудрости с экзотерическими выдумками, столь угодными толпе, они заложили первые основания ритуалистической церкви и лож современного масонства. Последний факт был продемонстрирован Рагоном в его «ANTE-OMNIAE», где проведено сравнение современной литургии с древними мистериями, и показываются ритуалы, которые совершались ранними масонами; первое сравнение может быть удостоверено сходным сопоставлением церковных облачений, священных сосудов, и праздников латинской и других церквей, с таковыми же у языческих народов. Но церкви и масонство далеко отошли друг от друга с тех времен, когда они были едины. Если нас спросят, откуда это могут знать непосвященные, то мы ответим, что древнее и современное масонство — это обязательный предмет изучения для каждого восточного оккультиста.

Масонство, несмотря на его обрамление и современные нововведения (особенно, библейский дух в нем), делает добро и на моральном, и на физическом планах, или, во всяком случае, делало его менее чем десяток лет назад.* Оно было истинной еkkлeсией в смысле братского единения и взаимной помощи, единственной религией в мире, если мы рассматриваем этот термин как производный от слова *religate*, «связывать» воедино, так как оно включало в число своих «братьев» всех людей, независимо от расы и вероисповедания. Могли ли они, располагая огромными богатствами, делать больше, чем они это делают сейчас, — это не наше дело. Мы не видим никакого зримого, кричащего зла, исходящего от этой организации, и никто, кроме римских католиков, никогда не пытался доказать, что она приносит какой-либо вред. Может ли это сказать церковь христианская? Пусть церковная и светская история ответит на этот вопрос. Прежде всего, она разделила все человечество на Каинов и Авелей; она уничтожила миллионы людей во имя своего Бога — Господина Воинств, поистине, жестокого Иеговы Саваофа — и вместо того, чтобы дать стимул цивилизации, излюбленному предмету хвастовства ее последователей — она тормозила ее развитие в течение долгих и утомительных средних веков. И только под неустанными атаками со стороны науки и благодаря восстаниям людей, пытавшихся освободить себя, она начала терять почву под ногами и уже не могла более препятствовать просвещению. И все же, не смягчила ли она, как утверждают, «варварский дух язычества»? Мы настойчиво заявляем, что нет. Это церковность, со своей *odium theologicum* [теологической ненавистью], с тех пор, как она уже не может подавлять человеческий прогресс, вливает свой смертоносный дух нетерпимости, свою жесточайшую эгоистичность, жадность и бессердечие в современную цивилизацию под маской лицемерного, кроткого христианства. Когда языческие кесари были более кровожадными или еще более хладнокровно-жестокими, чем нынешние монархи и их армии? Когда человечество пролило больше слез и еще больше страдало, чем сегодня?

* Со времени возникновения масонства раскол между британскими и американскими масонами и французским «Великим Востоком» «Сыновей Вдовы» был первым из всех, которые когда-либо произошли. Он предвещал образование из этих двух секций

масонства — масонских протестантов и римско-католической церкви, во всяком случае, по отношению к ритуализму и братской любви.

Да; было такое время, когда церковь и масонство были едины. Это были столетия моральной реакции, переходный период, столь же тяжелый для мысли, как ночной кошмар, время борьбы. Таким образом, если создание новых идеалов привело к очевидному ниспровержению старых храмов и разрушению старых идолов, то в действительности оно завершилось воссозданием этих храмов из старых материалов и восстановлением тех же самых идолов под новыми именами. Это было всеобщее переустройство и реабилитация — но только на поверхностном уровне. История никогда не сможет рассказать нам — лишь традиционные и наполненные здравым смыслом исследования сделают это — сколь многие полу-иерофанты и даже высшие посвященные были вынуждены становиться ренегатами, чтобы иметь возможность сохранить тайны посвящения. Претекстатусу, проконсулу в Ахайе, приписывают замечание, сделанное в 4 веке нашей эры, что «лишить греков тайных мистерий, которые связывали вместе все человечество, равносильно лишению их жизни». Посвященные, вероятно, поняли намек, и волей-неволей играли последователей новой веры, становящейся всевластной и действующей соответственно. То же самое сделали и некоторые эллинизированные еврейские гностики; и таким образом многие, а не один только «Климент Александрийский» — судя по всему новообращенный, страстный неоплатоник и такой же философский язычник в своем сердце, — стали наставниками невежественных епископов. Коротко говоря, новообращенный *malgre lui* [поневоле] смешивал две внешних мифологии, старую и новую, и отдавая массам эту смесь, оставлял сакральную истину для самого себя.

О них, как о разновидности христиан, можно сделать вывод на примере неоплатоника Синезия. Какой ученый не знает о том факте, и осмелился бы отрицать, что любимый и преданный ученик Гипатии — девушки-философа, мученика и жертвы бесславного Кирилла Александрийского — даже не был крещен, когда египетские епископы предложили ему занять епископский престол Птолемея? Каждый исследователь знает, что когда он в конце концов крестился, после принятия той должности, которую ему предложили, это было настолько поверхностно, что в действительности он подписал свое согласие только после того, как его условия были выполнены и будущие привилегии — гарантированы. Любопытно, каков был главный пункт договора. *Sine qua non* [главное] условие состояло в том, что ему было позволено воздерживаться от исповедания (христианских) доктрин, в которые он, новый епископ, не верил! Таким образом, хотя и крещеный и возведенный в сан диакона, священника и епископа, он никогда не оставлял своей жены, не отрицал своей платонической философии и не отказывался даже от своего спорта, столь строго запрещенного для любого другого епископа. Это происходило в 5 веке.

Такого рода соглашения между посвященными философами и невежественными священниками реформированного иудаизма были многочисленны в те времена. Первые пытались сохранить свои «мистериальные обеты» и личное достоинство, и для этой цели прибегали к таким, заслуживающим сожаления, компромиссам с амбиционной, невежественной и всевозрастающей волной народного фанатизма. Они веровали в Божественное Единство, ЕДИНОЕ, или *Solus*, необусловленное и непознаваемое; и все же они соглашались принародно оказывать почтение и проявлять благоговение к *Sol*, Солнцу, которое перемещается через своих двенадцать апостолов, 12 знаков Зодиака, известных как 12 сыновей Иакова. *Noi polloi* [массы] оставались в неведении относительно первого и поклонялись вторым, и среди них — своим старым излюбленным богам. Было нетрудно преобразовать этот культ от поклонения солнечно-лунным и другим космическим божествам, к почитанию престолов, архангелов, доминионов и святых; и это тем более так, поскольку так называемые звездные величия были включены в новый христианский канон под своими старыми именами и в совершенно неизменном виде. Таким образом,

в то время как в течение мессы многократно повторяется «Великий Избранник», как бы под знаком его дыхания, его постоянной причастности к Высшему Универсальному Единству «непостижимого Творца», и торжественно и громогласно произносится «Священной Слово» (ныне замененное масонским «Словом низкого дыхания»), его помощник продолжает воспевание Кугие [«Господи помилуй»] по отношению к таким же низшим звездным существам, которым оказывали поклонение массы. Профановообращенный, который всего за несколько месяцев или недель до того возносил молитвы к Быку Апису и святому Киноцефалу, священному ибису и ястребоголовому Осирису, орлу св. Иоанна* и божественному Голубю (который был свидетелем крещения, когда парил над Агнцем Божиим), конечно проявлял в этом наиболее естественное развитие и следование своей собственной национальной и сакральной зоологии, поклонению которой он был обучен с самого своего рождения.

* Ошибкой было бы говорить о том, что евангелист Иоанн стал святым покровителем масонства лишь после 16 века, и это включает в себе даже двойную ошибку. Между «божественным» Иоанном, «провидцем» и автором Откровения, и Иоанном Евангелистом, который здесь показывается в сопровождении Орла, существует большая разница, ибо последний Иоанн является творением Иренея, вместе со всем четвертым благовествованием. Они представляют собой результат полемики лионского епископа с гностиками, и никто никогда не расскажет о том, каково было настоящее имя автора величайшего из евангелий. Но что мы знаем, так это что Орел — законная принадлежность Иоанна, автора Апокалипсиса, первоначально написанного за сотни лет до нашей эры, и лишь отредактированного перед получением канонического одобрения. Этот Иоанн, или Оаннес, был признанным покровителем египетских и греческих гностиков (которые были ранними строителями, или масонами «Храма Соломона», так же как еще раньше — пирамид) с начала времен. Орел был его атрибутом, наиболее архаическим из символов — являясь египетским Ах, птицей Зевса, и каждый человек в древности посвящал его Солнцу. Даже евреи приняли его в лице посвященных каббалистов, как «символ сфиры Тиферет, духовного Эфира, или воздуха», — говорится в «Каббале» м-ра Майера. У друидов орел был символом Высшего Божества, и опять-таки частью символа херувима. После его принятия дохристианскими гностиками, его можно было увидеть у подножия Тау в Египте, пока он не был помещен розенкрейцерами в основание христианского креста. Великая солнечная птица, Орел, необходимым образом связывается с любым солнечным богом и является символом всякого пророка, который всматривается в астральный свет и видит в нем тени Прошлого, Настоящего и Будущего, столь же легко, как Орел взирает на Солнце.

IV

Таким образом может быть показано, что и современное масонство, и церковный ритуализм непосредственно происходят от посвященных гностиков, а также неоплатоников и жрецов-изменников языческих мистерий, тайны которых были утеряны ими, но были, тем не менее, сохранены теми, кто не пошел на компромисс. И если и церковь, и масоны хотят забыть историю своего истинного происхождения, то не таковы теософы. Они повторяют: масонство и три великие христианские религии — это богатство, полученное в качестве наследства. «Церемонии и пароли» первого, и молитвы, догмы и ритуалы последних, являются искаженными копиями чистого язычества (которое было столь старательно скопировано и заимствовано евреями) и неоплатонической философии. Также и «пароли», используемые донныне библейскими масонами и связываемые с «коленом Иуды», «Тувал-Каином», и другими зодиакальными высшими званиями в Ветхом Завете, являются еврейскими названиями древних богов языческого простонародья, а не богов иерограмматиков, представителей истинных мистерий. Это будет должным образом доказано впоследствии. Добрые братья-масоны вряд ли могли бы

отрицать, что номинально они являются поистине Solicoles, то есть поклонниками Солнца в небесах, в котором эрудированный Рагон видел величественный символ G.A.O.T.U.— и, безусловно, это так. Но ему трудно было бы доказать, — и этого никто не смог сделать, — что так называемый G.A.O.T.U. (Великий Архитектор Вселенной), это не Sol небольшой экзотерической кучки pro-fane [непосвященных], но Solus высших эпоптов [посвященных]. Ибо тайна огней SOLUS, дух которого излучает «Пылающая Звезда», — это герметический секрет, который, несмотря на изучение масоном истинной теософии, навсегда утерян для него. Он перестал понимать сегодня даже небольшой неосторожный поступок Цхадди. До сего дня масоны и христиане сохраняют святость субботы и называют ее днем «Господа»; и все же они знают так же хорошо, как и все остальные, что Sunday и Sonntag в протестантской Англии и Германии обозначают Солнечный День, или день Солнца, так же, как это было и две тысячи лет назад.

И вы, преподобные и добрые отцы, священники и епископы, вы, кто столь милосердно называет теософию «идолопоклонством», и открыто и приватно осуждаете ее последователей на вечное проклятие, можете ли вы похвастаться хотя бы одним ритуалом, облачением или сосудом в церкви или храме, который не перешел бы к вам от язычества? Нет, утверждать это было бы слишком опасно, и даже не только в связи с историей, но и из-за убеждений ваших собственных церковных властей.

Мы приведем здесь несколько цитат лишь для того, чтобы подтвердить свои утверждения. «Римские жрецы должны были поверить перед тем, как совершать жертвоприношение», — пишет дю Шол. Жрецы Юпитера одевали высокую квадратную черную шляпу (ср. с современными армянскими и грузинскими священниками), их голова была украшена фламингой. Черные сутаны римско-католических священников — это черные иерокорации, широкие мантии мифраических священников, называемые так из-за своей окраски цвета воронова крыла (ворон — коракс). У короля-жреца Вавилона был золотой перстень с печатью и туфли, которые целовали побежденные монархи, белая мантия, золотая тиара, к которой были подвешены два пояска. Папы имеют перстень с печатью и такие же туфли для подобного же применения; белая сатиновая мантия, окаймленная золотыми звездами, два пояска, усыпанных драгоценностями, которые подвешены к ней, и т.д., и т.д. Белый льняной стихарь (alba vestis) — это одеяние жрецов Изиды; макушка голов у жрецов Анубиса была обрита (Ювенал) — отсюда произошла тонзура; риза христианских «отцов» представляет собой копию с верхнего облачения финикийских жрецов-священнослужителей, которое называлось каласири, завязывалось на шее и ниспадало до пят. Епитрахиль пришел к нашим священникам от женского одеяния, которое носили в Галлии научи (храмовые танцоры мужского пола), служба которых была аналогична еврейским кадашим; их пояс невинности (?) произошел из эфода евреев и тонкого шнура в культе Изиды; жрецы Изиды давали обет безбрачия. (См. подробности в трудах Рагона).

Древние язычники использовали святую воду или приносили очистительные жертвы для совершения обряда очищения своих городов, полей, храмов и людей, точно так же, как это делают сейчас в римско-католических странах. Купель помещалась перед входом в любой храм, была наполнена очищающей водой и называлась фависсой и акваминарией. Перед принесением жертвы, первосвященник, или курион (отсюда французские кюре), погружая лавровую ветвь в очищающую воду, обрызгивал ею собравшуюся благочестивую паству, и то, что называлось тогда люстрика и аспергилиум, ныне называется кропило (или гупиллон, по-французски). Последнее было у жриц Митры символом Универсального лингама. Его погружали в течение мистерий в очищающее молоко и затем обрызгивали им верующих. Оно было символом всеобщего плодородия; отсюда и пошло использование святой воды в христианстве, ритуал, имеющий фаллическое происхождение. И более того, идея, лежащая в его основании, является чисто оккультной и относится к церемониальной магии. Очистительные ритуалы совершались

при помощи огня, серы, воздуха и воды. Для того, чтобы привлечь внимание небесных богов, прибегали к омовению; для изгнания низших богов, использовали окропление. Сводчатые потолки греческих и латинских соборов и церквей часто окрашены в голубой цвет и усыпаны золотыми звездами, чтобы представлять собой небесный свод. Это является копированием египетских храмов, где совершалось поклонение солнцу и звездам. И опять-таки, в масонской и христианской архитектуре оказывается такое самое почтение в отношении Востока (или восточной точки), как и во времена язычества. Все это в полной мере описал Рагон в своих сокрушительных томах. *Princeps porta*, врата Мира и «Царь Славы», под которым сначала понимали Солнце, и ныне признается его человеческий символ, Христос, являются вратами Востока, и обращены на восток в каждой церкви и каждом храме.* Через эти «врата жизни» совершается торжественный путь, по которому ежедневно каждым утром светило входит в прямоугольный квадрат** земли, или временную обитель Солнца, и «новорожденный» младенец вносится внутрь и подносится к крестильной купели; слева от этого сооружения (темный север, куда отправлялись «новички», и где кандидаты проходили свое испытание водой) ныне находятся купели, а в древности размещались источники (присцины) с очищающей водой в античных храмах, которые были языческими святилищами. Алтари древней Лютеции были погребены и вновь обнаружены под хорами собора Нотр-Дам в Париже, и ее древние очистительные источники существуют до сих пор в этом храме. Почти каждая крупная древняя церковь на континенте во времена, предшествующие средним векам, была когда-то языческим храмом, согласно тем приказаниям, которые отдавались епископами и римскими папами. Григорий Великий («*En sa Vie*» Platine) таким образом отдал распоряжение монаху Августину, своему миссионеру в Англии: «Разрушай идолы, но никогда не трогай храмы! Окропляй их святой водой, помещай в них мощи, и позволяй народам совершать поклонение в местах, к которым они привыкли». Нам стоит лишь обратиться к трудам кардинала Барония, чтобы обнаружить в году XXXVI его «Анналов» такого рода убеждение. Он говорит, что святая церковь позволяет перенимать ритуалы и церемонии, применяемые язычниками в своих идолопоклоннических культурах, поскольку она (церковь) искупает их грехи своим освящением! В «*Antiquites Gaulises*» («Древности галлов», книга 2-я, гл. 19) Фуше мы читаем о том, что епископ Франции принял и применял языческие церемонии для обращения их последователей ко Христу. Это происходило в то время, когда Галлия еще была языческой страной. И не те же ли самые ритуалы и церемонии исполняются сегодня в христианской Франции и других римско-католических странах, в благодарную память о язычниках и их богах?

* Может быть, за исключением храмов и капелл инакомыслящих протестантов, которые строятся повсюду и используются для многих целей. Я знаю о капеллах в Америке, сдаваемых под ярмарки, выставки и даже театральные представления; сегодня капелла, а днем позже она продана за долги и приспособлена под винный магазин или трактир. Я говорю, конечно, о капеллах, а не о церквях и соборах.

** Масонский термин; символ Ноева ковчега и ковчега Завета, храма Соломона, скинии и лагеря израильтян, — все они строились как «прямоугольные квадраты». Меркурий и Аполлон были представлены прямоугольными кубами и квадратами, и такова же Кааба, великий храм в Мекке.

V

Вплоть до 4 века в церквях не было алтарей. До этого времени алтарь был столом, возвышающимся в середине храма для целей причастия, или братской трапезы (соена, как первоначально называлась вечерняя месса). Таким же образом ныне возвышается стол в «ложе» на масонских банкетах, которыми обычно завершаются деяния ложи и на которых воскресшие Хирамы Абифы, «сыновья вдовы», освящают свои хлебцы при помощи сожжения — масонский вариант пресуществления. Должны ли мы называть и эти

банкетные столы алтарями? Почему бы и нет? Эти алтари скопированы с ara maxima языческого Рима. Римляне помещали квадратные и прямоугольные камни около могил своих усопших и называли их ара, алтарь; они были посвящены богам ларам и манам. Наши алтари являются производными от этих квадратных камней, другой формой пограничных камней, известных как боги Тйрмины — Гермесы и Меркурии, откуда и Mercurius quadratus, quadriceps, quadrifrons, и т.д., и т.д., четвероликие боги, чьими символами и были эти квадратные камни со времен глубокой древности. Камень, на котором короновались древние короли Ирландии, также был таким «алтарем». Такой камень, наделенный кроме того еще и голосом, есть в Вестминстерском аббатстве. Таким образом, наши алтари и троны произошли непосредственно от приаповых пограничных камней язычников — от богов терминов.

Должен ли чувствовать сильное негодование ходящий в церковь читатель, если ему говорят, что христиане приняли языческий способ поклонения в храме лишь во времена царствования Диоклетиана? До этого периода они имели непреодолимое отвращение к алтарям и храмам, и поддерживали его в течение первых 250 лет нашей эры. Эти древние христиане были воистину христианами; современные же являются булыжными язычниками, чем любые идолопоклонники древности. Первые были теософами тех дней; с 4 века же они стали эллино-иудейскими язычниками минус неоплатоническая философия. Прочитаем, что говорит римлянам Минуций Феликс в 3 веке н. э.:

«Вы воображаете, что мы (христиане) скрываем то, чему мы поклоняемся, потому что у нас нет ни храмов, ни алтарей? Но какой же образ Бога должны мы превозносить, если человек сам является Божественным образом? Какой храм мы можем построить для Божества, если Вселенная, которая есть Его творение, едва ли вместит Его? Как мы можем возвести на престол силу такого Всемогущества в отдельном строении? Не лучше ли посвятить Божеству храм в нашем сердце и нашем духе?»

Но, таким образом, христиане типа Минуция Феликса держали в своих умах заповедь УЧИТЕЛЯ-ПОСВЯЩЕННОГО, не молиться в синагогах и храмах, как это делают лицемеры, «чтобы показаться перед людьми» (Матф., 6:5). Они помнили заявление Павла, апостола-посвященного, «мастера-строителя» (I Кор. 3:10), что ЧЕЛОВЕК есть единственный храм Бога, в котором обитает Святой Дух, Дух Бога (там же). Они выполняют истинные христианские заповеди, тогда как современные христиане соблюдают лишь произвольные каноны своих церквей и правила своих пресвитеров. «Теософы — это отъявленные атеисты», — восклицает автор в «Церковной хронике». «Ни про кого из них неизвестно, чтобы он выполнял церковную службу... Церковь для них является отвратительной»; и немедленно открывая сосуд своего гнева, он изливает его содержимое на неверующего, языческого члена Т.О. Современный христианин побивает камнями теософа так же, как и его предшественник, фарисей «синагоги Либертинцев» (Деяния, 6:9) побивал камнями Стефана, говорящего то же, что говорят даже многие христианские теософы, а именно, что «Всевышний не обитает в храмах, созданных руками людей» (там же, 7:48); и они такие же «клятвопреступники», как и те несправедливые судьи (там же, 6:11), которые свидетельствуют против нас.

Поистине, друзья, вы являетесь полноправными потомками ваших предшественников, будь то сотоварищи Савла, или же коллеги папы Льва X, циничного автора знаменитого высказывания: «Сколь полезна для нас эта басня о Христе», «Quantum nobis prodest hac fabula Christi!»

VI

Теория «солнечного мифа» утратила новизну в наши дни и стала неинтересной — ad nauseam [до отвращения] — оттого, что она без конца повторялась, как мы это слышали, относительно четырех кардинальных пунктов ориентализма и символизма, и безо всякого различия применялась ко всем предметам и ко всем религиям, кроме церковного христианства и государственной религии. Без всякого сомнения, Солнце было повсюду в

древнем мире и с незапамятных времен символом Творящего Божества — у каждого народа, а не у одних лишь парсов; но таковым оно было у ритуалистов. И как в древности, так же и в наши дни. Наша центральная звезда есть «Отец» для профанов, и Сын вечно непостижимого Божества — для эпоптов. Тот же самый масон, Рагон, говорит, «что Солнце является наиболее чистым и естественным образом ВЕЛИКОГО АРХИТЕКТОРА, поскольку это наиболее простая аллегория, которой нравственный и добрый человек (истинный мудрец) когда-либо наделял бесконечный и безграничный Разум». Не считая последнего предположения, Рагон прав; ибо он показывает, что этот символ постепенно удалялся от идеала, им представляемого и утверждаемого, становясь в конце концов вместо символа — оригиналом в умах своих невежественных поклонников. Далее этот великий масонский писатель доказывает, что именно физическое Солнце рассматривалось ранними христианами и как Отец, и как Сын.

«О, посвященные братья», — восклицает он. — «Как могли вы забыть, что в храмах существующей религии днем и ночью горит большая лампада? Она находится перед главным алтарем, хранилищем ковчега Солнца. Другая лампада, горящая перед алтарем пречистой девы, является символом света луны. Климент Александрийский рассказывает нам, что египтяне были первыми, кто установил религиозное применение лампад... Кто не знает, что наиболее священные и внушающие ужас обязанности возлагались на весталок? И если масонские храмы освещаются тремя астральными источниками света, солнцем, луной и епископами (хранителями), то это потому, что один из отцов масонства, ученый Пифагор, прямо заявляет, что мы не должны говорить о божественных вещах без света. Язычники устраивали праздники светильников, называемые лампадофориями, в честь Минервы, Прометея и Вулкана. Но Лактанций и некоторые из наиболее ранних отцов новой веры горько сожалели о таком языческом привнесении лампад в церкви; «Если бы они соизволили», — пишет Лактанций, — «посмотреть на тот свет, который мы называем Солнцем, то они очень скоро поняли бы, что Бог не нуждается в их лампадах». И Вигилий добавляет: «Под неким религиозным предлогом церковь установила языческий обычай освещения отвратительными свечами, в то время как существует Солнце, озаряющее нас светом тысячи свечей. Не великая ли это честь для АГНЦА БОЖЬЕГО (представленного таким образом солнцем), который пребывая в середине трона (Вселенной) наполняет его излучением своего Величия?» Эти отрывки доказывают нам, что в те времена древняя церковь поклонялась ВЕЛИКОМУ АРХИТЕКТОРУ МИРА в его образе СОЛНЦА, единственного в своем роде».*

* «Месса и ее таинства», стр. 19 и 20.

Поистине, если христианские кандидаты должны были произнести масонскую клятву, обратившись на Восток, и их «Преподобный» находился в восточном углу, поскольку то же самое делали неофиты в языческих мистериях, то и церковь, в свою очередь, сохранила идентичный ритуал. В течение высшей мессы, главный алтарь (ara maxima) украшается дарохранительницей, или дароносицей (ящик, в котором хранится гостия, или тело Христово), и шестью горящими свечками. Эзотерический смысл дароносицы и его содержимого — символа Христа-Солнца — состоит в том, что она представляет сверкающее светило, и шесть свечек — шесть планет (ранние христиане не знали других планет), три из которых находятся справа от нее, и три — слева. Это есть копия семисвечника в синагоге, который имеет такое же значение. «Sol est Dominus Meus», «Солнце — это мой Господь!» — восклицает Давид в 95-м псалме, что искусно переведено в авторизованной версии как «Господь есть великой Бог», «великий Царь над всеми богами» (стих 3), или, на самом деле, планетами! Августин Чалис более искренен в своей книге «Philosophie des Religions Comparees» (том 2, стр. 18), где он пишет: «Все являются дэвами (демонами) на этой земле, кроме Бога пророков (посвященных), чистого Иао; и если в Христе вы видите нечто иное, чем СОЛНЦЕ, тогда вы поклоняетесь дэву, призраку, как это делают все дети ночью.»

Восток представляет собой ту главную точку, откуда встает светило дня, великое Светило, дарующее и поддерживающее жизнь, творец всего того, что живет и дышит на этой земле, и что же удивительного в том, что все народы оказывали ему поклонение как видимой действующей силе невидимого Принципа и Причины; и что месса должна была совершаться в честь того, кто дарует *messis*, или «урожай». Но между поклонением идеалу как целому, и его физическому символу, его части, избранной для представления целого и ВСЕГО, лежит целая пропасть. Для ученых египтян Солнце было «глазом» Осириса, а не самим Осирисом; то же самое — и для ученых зороастрийцев. Для ранних христиан Солнце становилось Божеством, *in toto* [в целом]; и при помощи казуистики, софистики и догм, не подвергаемых сомнению, современные христианские церкви умудрились вынудить даже образованный мир признать то же самое, внушая ему веру в то, что, что их бог — это единственное живое и истинное Божество, творец, но не Солнце — тот демон, которому поклонялись «язычники». Но какая может быть разница между злым демоном и антропоморфическим Богом, таким, например, который представлен в Соломоновых притчах? Этот «Бог», — хотя бы бедные, беспомощные, невежественные люди и призывали его, когда их «страх придет как ураган» и их «несчастье, как вихрь», — угрожает им такими словами: «Я буду смеяться над вашими бедствиями, я буду издеваться, когда придет ваш страх!» (Притчи, 1:27). Отождествите этого Бога с великим аватаром, на котором основана христианская легенда; объедините его с тем истинным посвященным, который сказал, «Благословенны страждущие, ибо они успокоятся»: и какой же будет результат? Одного такого отождествления совершенно достаточно для того, чтобы оправдать дьявольское веселье Тертуллиана, который смеялся и радовался идее о том, что его неверующие потомки будут гореть в адском огне; совет Иеронима христианскому новообращенному растоптать тело своей языческой матери, если она пытается противодействовать тому, чтобы он оставил ее навсегда, чтобы следовать Христу; и это превращает всех церковных тиранов, убийц и *omnes gentes* инквизиции, в величайшие и благороднейшие примеры практического христианства из всех когда-либо живших на земле!

VII

Ритуализм первоначального христианства — как это теперь достоверно показано — происходит из древнего масонства. Последнее, в свою очередь, является потомком в те времена уже полностью умерших мистерий. О них то мы и скажем теперь несколько слов. Хорошо известно, что повсюду в древнем мире, кроме народного культа, состоящего из формальных и полностью экзотерических церемоний, у каждой нации был свой тайный культ, известный миру как МИСТЕРИИ. Страбон, среди многих других, подтверждает это убеждение (См. Georg, кн. 10). Никто не получил доступа к ним, за исключением тех, кто прошел специальную подготовку. Неофиты, получившие наставления в верхних храмах, посвящались в заключительные мистерии в пещерах. Такие наставления были последним сохранившимся наследием древней мудрости, и они разыгрывались под руководством высших посвященных. Мы намеренно употребляем слово «разыгрывались»; ибо устные наставления в низком дыхании давались лишь в пещерах, в полной тишине и тайне. Во время публичного обучения и общих наставлений, уроки по космогонии и теогонии представлялись в аллегорической форме, и *modus operandi* [способ действия] постепенной эволюции космоса, миров, и в конце концов нашей земли, богов и людей, — все это давалось при помощи символов. Массы людей были свидетелями великих представлений во время празднований мистерий, и множество людей слепо поклонялись персонифицированным истинам. И только великие посвященные, эпопты, понимали их язык и истинный смысл. Все это, и еще большее, хорошо известно ученому миру. Общим убеждением всех древних народов было то, что истинные таинства того, что столь нефилософично называют творением, были переданы избранным в нашей (пятой) расе через ее первую династию божественных Правителей — богов во плоти, «божественных

наследия веков. Семью веками позже мы видим Апулея, его искреннюю склонность к магии и мистическому, и несмотря на то, пишущего в своем «Золотом осле» горькую сатиру против лицемерия и разврата в определенных орденах наполовину-посвященных жрецов. Благодаря нему мы узнаем, что в его дни (II век н.э.) мистерии стали столь всеобщими, что люди любого положения и состояния, в любой стране, мужчины, женщины и дети, — все были посвященными! Посвящение в его дни было такой же необходимостью, как стало необходимым крещение для христиан; и было точно такого же уровня, как в наши дни — последнее, а именно: бессмысленной и чисто формальной церемонией простого вида. И все же впоследствии фанатики новой религии положили на мистерии свою тяжелую руку.

Эпопты, те, «кто видит вещи так, как они есть», исчезали один за другим, удаляясь в области, недоступные для христиан. Мисты (от *mystae*, «закрытый вуалью»), «которые видят вещи только такими, как они кажутся», очень часто оставались в данной ситуации единственными учителями.

Именно первые, «обособленные», сохранили истинные тайны; мисты, которые знали их лишь поверхностно, заложили первый камень в фундамент современного масонства; и от этого полуязыческого и полуобращенного древнего братства масонов был порожден христианский ритуализм и большая часть его догматов. И эпопты, и мисты называются именем «масоны»: ибо и те, и другие, выполняя свои обеты и предписания давно умерших иерофантов и □□□□□□□□, «королей», восстанавливают: эпопты — свой «низший», и мисты — свой «высший», храмы. Ибо таковыми были независимые названия в древности, и таковы же они и сегодня в некоторых регионах. Софокл говорит в «Электре» (действие второе) об основании Афин — места элевсинских мистерий — как о «священном строении богов», то есть, построенном посредством богов. О посвящении говорят как о «вхождении во храм» и «очищении», или воссоздании храма, что имеет отношение к телу посвященного при его последнем и высшем испытании. (См. Евангелие от Иоанна, 2:19). Эзотерическое учение временами также называлось именем «Храма», а народная экзотерическая религия — «городом». Построить храм означало основать эзотерическую школу; «построить городской храм» значило установить народный культ. Таким образом, истинные сохранившиеся «масоны» низшего Храма, или крипты, священного места посвящения, являются единственными хранителями истинных масонских тайн, ныне утраченных миром. Мы охотно уступаем современному братству масонов титул «строителей высшего Храма», поскольку а priori превосходство сравниваемых прилагательных является столь же иллюзорным, как и само пламя пылающего куста Моисея в ложах тамплиеров.

IX

Неправильно понятая аллегория, известная как Нисхождение в ад, повлекла за собой неисчислимыя беды. Экзотерическая «басня» о Геракле и Тесее, спустившихся в адские области; путешествие туда Орфея, который совершил свой путь силой своей лиры («Метаморфозы» Овидия); Кришна, и наконец, Христос, который «спустился во Ад и в третий день восстал из мертвых», — понимание всего этого было искажено непосвященными, которые приспособляли языческие ритуалы и преобразовывали их в христианские обряды и догмы.

Астрономически это нисхождение во ад символизирует Солнце в течение осеннего равноденствия, когда оно покидает высшие звездные области — это была предполагаемая битва между ним и Демоном Тьмы, который одерживал победу над нашим светилом. Тогда, как это воображали, Солнце испытывает временную смерть и опускается в inferнальные области. Но мистически это олицетворяет ритуалы посвящения в криптах храма, называемого Преисподней. Бахус, Геракл, Орфей, Асклепий и все остальные, кто посетил эту крипту, все они опустились во ад и вззошли оттуда в третий день, ибо все они были посвященными и «строителями низшего Храма». Слова, адресованные Гермесом

Прометею, прикованному к жарким скалам Кавказа, — то есть, привязанному неведением к физическому телу, и потому жадно пожираемому стервятниками страстей, — относятся к каждому неофиту, к каждому Хрестосу при испытании. «Для таких трудов не ищи завершений, пока бог не возникнет, как замена твоим мучениям, и вы вместе не будете готовы отправиться в мрачный Аид и в темные глубины вокруг Тартара». (Асклепий, «Прометей», 1027). Это просто означает, что пока Прометей (или человек) не сможет найти «Бога», или иерофанта (посвящающего), который был бы готов опуститься в крипты посвящения и обойти вокруг Тартара вместе с ним, стервятники страстей никогда не перестанут глотать его члены.* Асклепий, как посвященный, давший обет, не мог бы сказать большего; но Аристофан, менее набожный, или же более смелый, раскрыл эту тайну для тех, кто не ослеплен слишком сильными предубеждениями, в своей бессмертной сатире об нисхождении в ад Геракла. («Лягушки»). Там мы находим хор «благословенных» (посвященных), Елисейские Поля, прибытие Бахуса (бога иерофанта) с Гераклом, встреча с пылающими факелами, символами новой ЖИЗНИ и ВОСКРЕСЕНИЯ из тьмы человеческого неведения к свету духовного знания — к вечной ЖИЗНИ. Каждое слово этой замечательной сатиры обнаруживает внутренний смысл, придаваемый ему автором:

Будь наготове... с факелом в руке,
Тьму разгоняя, тебя проводит Вакх —
Мерцающей звездой ночного ритуала.

* Темное место в крипте, в котором, как предполагалось, кандидат при посвящении отбросит навсегда свои худшие страсти и желания. Отсюда произошли и аллегории Гомера, Овидия, Вергилия, и т.д., которые понимаются в буквальном смысле современными учеными. Флегетон — это река в Тартаре, в которую посвященный трижды окунался иерофантом, после чего испытания заканчивались, и новый человек рождался заново. Он навсегда оставял в темном потоке старого греховного человека, и выходил на третий день из Тартара, как некая индивидуальность, при этом личность умирала. Каждый из таких героев, как Иксион, Тантал, Сизиф, и т.д., является персонификацией некоторой человеческой страсти.

Все такого рода заключительные посвящения происходили в течение ночи. Таким образом, если говорить о ком-то, спустившемся в аид, то это в древности было равносильно тому, чтобы назвать его полностью посвященным. Тем, кто склонен отвергнуть такое объяснение, я предложу вопрос. Пусть они в таком случае объяснят значение высказывания в шестой книге «Энеиды» Вергилия. Что имел в виду поэт, если не вышеприведенное утверждение, когда приводя старого Анхиса на Елисейские Поля, он показывает, как последний дает совет Энею, своему сыну, отправиться в Италию... где он должен будет сражаться в Лации, с грубым и варварским народом; таким образом, перед рискованным предприятием добавляется это «Нисхождение в аид», то есть, посвящение. Благожелательные клерикалы, которые столь склонны посылать нас при малейшем раздражении в Тартар и в адские области, и не подозревают, сколь доброе пожелание содержится для нас в этой угрозе; и сколь святым характером должен обладать человек перед тем, как отправиться в такое священное место.

Х

Не у одних лишь язычников были свои мистерии. Беллармин (De Eccl. Triumph., т. 2, гл. 14) утверждает, что ранние христиане принимали, по примеру языческих церемоний, обычай собираться в церкви ночью перед своими праздниками, чтобы поддерживать себя в состоянии бодрствования или «бдения». Эти церемонии сначала соблюдались с весьма назидательным благочестием и чистотой. Но очень скоро в эти «собрания» проникли такие безнравственные злоупотребления, что епископы почувствовали необходимость запретить их. Мы читали в десятках книг о распущенности во время языческих

празднований. Цитируется Цицерон (de Leg., т. 2, гл. 15), который показывает Диагонда из Фив, не нашедшего никакого другого средства для исправления таких беспорядков во время церемоний, кроме как подавление самих мистерий. Однако, когда мы сопоставляем два вида празднования, языческие мистерии, которые были древними за много веков до нашей эры, и христианские агарае (вечери любви) и другие, вряд ли возникшие в этой религии и претендующие на такое очищающее воздействие на новообращенных, мы можем лишь пожалеть об умственной слепоте их защитников и процитировать для их же пользы Роскоммона, который спрашивает:

Что ж так помпезны были вы в начале,

А под конец так низко пали?

Раннее христианство — происходя от древнего масонства — имело свои особые рукопожатия, пароли и степени посвящения. «Масонство» — это древний термин, но он вошел в употребление в нашей эре очень поздно. Павел называет себя «мастером-строителем», и он был таковым. Древние масоны называли себя различными именами, и большинство александрийских эклектиков, теософов Аммония Саккаса и поздних неоплатоников, фактически были масонами. Все они были связаны обетом таинства, считали себя Братством, и также имели знаки отличия. Эклектики, или филалетианцы, включали в свои ряды наиболее талантливых и образованных ученых того времени, так же, как и некоторых коронованных особ. Автор «Эклектической философии» говорит: «Их доктрины были переняты язычниками и христианами в Азии и Европе, и в одно время казалось, что все благоприятствует общему слиянию религиозных верований. Их принимали императоры Александр Север и Юлиан. Их преобладающее влияние на религиозные представления возбуждали ревность у христиан Александрии. Школа была перенесена в Афины и, в конце концов закрыта императором Юстинианом. Ее преподаватели удалились в Персию,* где приобрели многочисленных учеников.»

* И мы можем прибавить, что и далее, ибо мы обнаруживаем их влияние повсюду в азиатских странах.

Быть может, могут показаться интересными и еще кое-какие детали. Мы знаем, что элевсинские мистерии пережили все остальные. В то время как тайные культы малых богов, таких как: культы куретов и дактилов, поклонение Адонису, кабирам, и даже культы древнего Египта, полностью исчезли под мстительной и жестокой рукой безжалостного Феодосия,* элевсинии не могли быть столь легко ликвидированы. Они были, поистине, религией человечества, и сияли во всем своем древнем великолепии, если даже не в своей первоизданной чистоте. Потребовалось несколько веков, чтобы уничтожить их, и они не могли быть полностью подавлены вплоть до 396 года нашей эры. Именно тогда «строители высшего, или городского Храма» впервые появились на сцене и начали безжалостно внедрять свои ритуалы и специфические догмы в нарождающуюся, постоянно борющуюся и конфликтующую церковь. Тройное Санктус римско-католической мессы — это тройное S...S...S... этих ранних масонов, и современный префикс к их документам или «любому написанному balustre — начальные буквы Salutem, или Здравия», — как это ловко объясняет один масон. «Это тройное масонское приветствие является наиболее древним из всех благопожеланий». (Рагон).

* Убийца фессалонийцев, которые были уничтожены этим набожным сыном церкви.

XI

Но они не ограничились лишь только этим свои прививки, которые они делали дереву христианства. В ходе элевсинских мистерий вино представляло Бахуса, Цереру — хлеб, или зерно.* Теперь Церера, или Деметра, была женским производящим принципом земли; супругой Отца Эфира, или Зевса; и Бахус, сын Зевса-Юпитера, был проявлением своего отца: другими словами, Церера и Бахус были персонификациями Субстанции и Духа, двух

животворящих принципов в природе и на земле. Иерофант-посвяtitель символически предлагал перед заключительным откровением мистерий вино и хлеб кандидату, который ел и пил в знак того, что дух должен оживить материю: то есть божественная мудрость Высшей Личности должна войти внутрь и овладеть его внутренней Личностью, или Душой, посредством чего она должна открыться ему.

* Бахус (Вакх), безусловно, имеет индийское происхождение. Павсаний показывает, что он был первым, кто возглавил экспедицию против Индии, и первым, кто построил мост через Евфрат. «Трос, который служил для соединения двух противоположных берегов, показывают до сих пор», — пишет этот историк, — «его сплели из виноградных лоз и побегов плюща» (X. 29.4.). Арриан и Квинт Курций объясняют аллегория о рождении Бахуса из бедра Зевса, говоря, что он был рожден на индийской горе Меру (от □□□□, бедро). Мы знаем о том, что Эратосфен и Страбон верили, что индийский Бахус был выдуман льстецами просто для удовольствия Александра, который верил, что он покорил Индию так же, как, предполагалось, сделал это Бахус. Но, с другой стороны, Цицерон считает этого бога сыном Ниса и Фионы; и Дионис, или □□□□□□□□, обозначает бога Дис с горы Нис в Индии. Бахус, увенчанный плющом, или Киссос — это Кришна, одним из имен которого было Киссен. Дионис был богом, превосходящим остальных, который, как полагали, освобождает души людей из темниц их плоти — аида и человеческого Тартара, в одном из его символических смыслов. Цицерон называет Орфея сыном Бахуса; и существует такая традиция, которая не только считает Орфея пришедшим из Индии (он назывался □□□□□, темного, или рыжевато-коричневого цвета), но и отождествляет его с Арджуной, челоу и приемным сыном Кришны. (См. «Пять лет Теософии»: «Было ли известно письмо до Панини?»).

Этот ритуал был принят христианской церковью. Функции иерофанта, который назывался «отцом», перешли теперь как неотъемлемая часть — но при отсутствии знания — к «отцу», или священнику, который сегодня осуществляет то же самое причастие. Иисус называет себя виноградной лозой, и своего «Отца» — виноградарем; и его распоряжение во время Тайной Вечери показывает его глубокое знание символического значения хлеба и вина, и его отождествление с *logoi* [логосами] древних. «Тот, кто ест мою плоть и пьет мою кровь имеет жизнь вечную». «Трудно говорить это», — добавил он... «Слова (*themata*, или тайные изречения), которые я говорю вам, суть Дух и Жизнь». Они были таковы; потому что «это Дух, который оживляет». Кроме того, эти *themata* Иисуса поистине являются тайными изречениями Посвященного.

Но между этим возвышенным ритуалом, столь же старым, как и символизм, и его поздними антропоморфическими интерпретациями, известными ныне как пресуществление, пролегла пропасть церковной софистики. С какой же силой это восклицание — «Горе вам, законники, ибо вы утратили ключи знания», (и не позволяете даже сегодня передавать гносис другим людям); с какой же удесятеренной силой, говорю я, можно отнести его скорее к нашему времени, чем к тому. Да; этим гнозисом «вы не прониклись сами, и воспрепятствуете тем, кто вникает в него», и все еще препятствуют до сих пор. Но не одни современные священнослужители несут на себе ответственность за это. Масоны, потомки, или во всяком случае преемники «строителей высшего Храма» во времена мистерий, которые должны бы знать это лучше, отнеслись бы с пренебрежением и презрением к любому среди своих собственных братьев, кто напомнил бы им об их истинном происхождении. Некоторые крупные современные ученые и каббалисты, которые являются масонами, претерпели много худшее обращение, нежели просто холодный прием, от своих собственных братьев. И это всегда все та же самая старая, очень старая история. Даже Рагон, в свое время наиболее ученый из всех масонов нашего века, жалуется на это такими словами:

«Все древние повествования свидетельствуют о том, что посвящения в древние времена имели внушительный церемониал и навсегда оставались в памяти благодаря великим

истинам, которые раскрывались в них, и знанию, которое из них возникало. И все же существуют некоторые современные масоны, полуученые, которые торопятся назвать шарлатанами всех тех, кто успешно напоминает и объясняет им эти древние церемонии!» (Cours. Philos., стр. 87, прим. [2]).

XII

Vanitas vanitatum [суета сует]! — и нет ничего нового под солнцем. «Литания Девы Марии» доказывает это наиболее очевидным образом. Папа Григорий I ввел культ Девы Марии, и Халкидонский собор провозгласил ее матерью Бога. Но автор литании не проявил даже некоего приличия (или это было результатом его умственных способностей?), чтобы наделить ее какими-либо другими, кроме языческих, определений и титулов, как я это сейчас покажу. Ни одного символа, ни одной метафоры в этой знаменитой литании, кроме тех, которые принадлежали к целой толпе богинь; все они Царицы, Девы или Матери; эти три титула относились к Изиде, Рее, Кибеле, Диане, Люцифере, Луцине, Луне, Теллус (Земле), Латоне, имеющей три формы, Прозерпине, Гекате, Юноне, Весте, Церере, Левкофее, Астарте, небесной Венере и Урании, *Alma Venus* (Благой Венере), и т.д., и т.д., и т.д.

Кроме первоначального обозначения троицы (эзотерической, или — Отца, Матери и Сына), не имело ли это западное тримурти (три лика) в масонском пантеоне такого значения: «Солнце, Луна и Преподобный»? — и это несомненно является неким видоизменением германских и нордических: Огня, Солнца и Луны.

Быть может, внутреннее понимание этого, побудило масона Дж. М. Рагона описать как свой символ веры таким образом:

«Для меня Сын — это то же самое, что и Гор, сын Осириса и Изиды; он есть СОЛНЦЕ, которое каждый год спасает мир от бесплодия и всеобщего вымирания рас.»

И он продолжает говорить о специальной литании Девы Марии, храмах, праздниках, мессах и церковных службах, паломничествах, песнопениях, якобинцах, францисканцах, весталках, чудесах, *ex voto* [обетах], убежищах, статуях, и т.д., и т.д., и т.д.

Де Мальвиль, крупный еврейский ученый и переводчик раввинистической литературы, заметил, что евреи давали луне все те же самые имена, которые в литании используются для прославления Девы. Он обнаружил в литании Иисуса все отличительные признаки Осириса — Вечного Солнца, и Гора — Годового Солнца.

И он доказал это.

Mater Christi — это мать Искупителя старых масонов, который является Солнцем. Но *роlloi* [простолюдины] в Египте утверждали, что ребенок, символ великой центральной звезды, Гор, был сыном Усира и Иссы (Осириса и Изиды), чьи души давали жизнь после их смерти Солнцу и Луне. Изиде стала у финикийцев Астартой, — под этим именем они поклонялись Луне, представленной в виде женщины с рогами, символизирующими полумесяц. Астарту воображали во время осеннего равноденствия, после поражения ее мужа (Солнца), побежденного Принцем Тьмы и опустившегося в аид, оплакивающей потерю своего супруга, который также был и ее сыном, так же как и Изиде оплакивала своего супруга, брата и сына (Осириса-Гора). Астарта держит в руках крестообразный жезл, обычный крест, и плачет, стоя на лунном серпе. Христианская Дева Мария очень часто представляется таким же образом, стоящей на новой луне, окруженной звездами и оплакивающей своего сына *juxta crucem lacrymosa dum pendebat* (см. *Stabat Mater Dolorosa*). Не является ли она наследницей Изиды и Астарты? — спрашивает автор. Поистине это так, и мы должны лишь повторить литанию Девы Марии римско-католической церкви, чтобы обнаружить, что мы повторяем древние заклинания, относимые к Адонайе (Венере), матери Адониса, солнечного бога у столь многих народов; Милитте (ассирийской Венере), богине природы; Алилат, которую арабы символизировали посредством двух лунных рогов; Селене, жене и сестре Гелиоса, солнечного бога греков; или к *Magna Mater* (Великой Матери), ...*honestissima, purissima,*

castissima, универсальной Матери всех существ — поскольку ОНА ЕСТЬ МАТЬ-ПРИРОДА.

Воистину Мария является Изидой *Myrionymos*, Богиней-Матерью с десятью тысячами имен! Так же, как солнце было Фебом в небесах, оно становилось Аполлоном на земле и Плутоном в еще более низких областях (после заката); таким же образом луна была Фебой в небесах и Дианой на земле (Геей, Латоной, Церерой), становясь Гекатой и Прозерпиной в аиде. И что же тогда удивительного в том, что Марию называют *regina virginum*, «Царицей Дев», и *castissima* [пречистой], если даже молитвы, возносимые к ней в шесть часов утра и вечера скопированы с тех молитв, которые пели «язычники» в те же самые часы в честь Фебы и Гекаты? Мы знаем о том, что стих «литании Девы» *stella matutina* [«звезда утренняя»]* — это достоверная копия стиха из молебна, посвященного «имеющей три формы» у язычников. И на том Соборе, на котором был осужден Несторий, Мария была впервые провозглашена «Матерью Божией», *Mater Dei*.

В дальнейшем мы должны будем сказать еще кое-что об этой знаменитой литании Девы и подробнее рассмотреть ее происхождение. Мы выберем наши доказательства из сочинений классиков и современных источников и, по мере продвижения вперед, дополним их сведениями из анналов религий в той мере, в какой они содержатся в эзотерической доктрине. Кроме того, мы можем добавить еще немного данных и представить этимологию наиболее священных терминов в церковном ритуализме.

* «Утренняя звезда», или Люцифер, имя, которым Иисус называет себя в Откровении, 22:16, и которое, тем не менее, стало именем дьявола, как только его принял теософский журнал!

XIII

Обратим ненадолго наше внимание к собраниям «строителей высшего Храма» в раннем христианстве. Рагон ясно показывает нам происхождение следующих терминов:

«(а). Слово «месса» произошло от латинского *messis* — «урожай», отсюда образовано существительное Мессия «тот, кто делает урожай созревшим», Христос, Солнце.

(б). Слово «лога», используемое масонами, слабосильными последователями посвященных, имеет своим корнем лога (лока в санскрите), местность или мир; и в греческом языке логос, слово, речь, рассуждение; оно обозначает в своем полном значении «место, где обсуждаются определенные вопросы».

(с). Такие собрания логоса у древних посвященных масонов стали называться *sinaxis*, «встречами» братьев с целью моления и прославления соена (ужина), в котором использовались только бескровные жертвоприношения плодов и зерна. Вскоре после этого такие жертвоприношения стали называться *hostiae*, или священными и чистыми гостями, в отличие от нечистых жертвоприношений (как в слове военнопленный, *hostes*, откуда произошло слово заложник, *hostage*). И так как эти приношения состояли из плодов урожая, первых плодов *messis*, отсюда и произошло слово «месса». Поскольку никто из отцов церкви не упоминает, как это сделали бы современные ученые, о том, что слово месса произошло от еврейского *missah* (*oblatum*, жертвоприношение), — первое объяснение столь же хорошо, как и второе. Для получения исчерпывающего исследования о слове *missa* и *mizda*, смотрите «Гностиков» Кинга, стр. 124 и далее.»

Слово синаксис называлось также греками □□□□□□ [собрание людей]. Оно имеет отношение к посвящению в мистерии. Оба эти слова, синаксис и агирмос,* вышли из употребления у христиан, а слово мисса, или месса, стало преобладать и осталось.

Теологи скажут, желая скрыть его этимологию, что термин «мессия» (*messiah*) произошел от латинского слова *missus* (посланник). Но если даже это так, то оно, опять-таки, может быть отнесено столь же хорошо к Солнцу, ежегодному посланнику, который послан нести свет и новую жизнь земле и ее созданиям. Еврейское слово, обозначающее Мессию — *meshiah* (помазанник, от *mashah*, помазывать) вряд ли применимо здесь и едва ли несет то

же значение в церковном смысле; также и латинское слово *missa* (месса) не лучшим образом может быть образовано от другого латинского слова *mittere, missum*, «посылать», или «отпускать». Потому что таинство евхаристии — ее сердце и душа — основываются на освящении и приобщении гостией (жертвоприношении), облаткой (тонким, похожим на лист, хлебом), представляющей тело Христово, и такой хлебец из муки представляет собой прямое развитие жертвоприношений урожая или зерна. И опять-таки, древние мессы были коэнами (поздними обедами или ужинами), которые, из простой еды римлян, которые «умывались, умащивались и одевали облачения сенаторов» для обеда, становились священным принятием пищи в память о последнем Ужине Христа.

* Езекия дает это имя (агирмос) первому дню посвящения в мистерии Цереры, богини урожая, и относит к нему также и имя Синаксис. Ранние христиане называли свои мессы, пока не был принят этот термин, и празднования своих мистерий — словом Синаксис, состоящим из □□□ — «вместе», и □□□ — «я веду», отсюда и греческий синаксис, или собрание.

Новообращенные евреи во времена апостолов собирались на таких синаксисах, чтобы читать Евангелия и свои послания (апостольские). Св. Юстин (150 г. н.э.) рассказывает нам, что такие собрания проводились в день, называемый солнечным (Sunday, воскресенье, *dies magnus*, «великий день»), в дни, когда псалмы воспевали «сравнение крещения с чистой водой и агареа святого соена с хлебом и вином». Что должна была делать эта смешанная комбинация языческих римских обедов, появившаяся благодаря вторжению церковных догм в тайные мистерии, с еврейским *Messiah*, «тем, кто побуждает спуститься в преисподнюю» (или аид), или его греческим вариантом — Мессией. Как было показано Норком, Иисус «никогда не был помазан ни как первосвященник, ни как царь», и поэтому его название «Мессия» не может быть выведено из данного еврейского эквивалента. И это еще менее вероятно, поскольку слово «помазанник», или «натертый маслом» в Гомеровской терминологии, — это хрис, *criz*, и хрио, *criw*, — оба они значат помазать тело маслом. (См. «Эзотерический характер Евангелий»).

Другой высший масон, автор «Источника Мер», суммирует всю эту *imbroglio* [путаницу] многих веков в нескольких словах, говоря:

«Фактически было два Мессии. Первый, побудивший себя спуститься в преисподнюю для спасения мира;* он был солнцем, лишенным своих золотых лучей и увенчанным затемняющими лучами (символизирующими эту утрату), как колючками. Второй был победоносным Мессией, восходящим на эту вершину небесного свода, персонифицированный как Лев из рода Иуды. В обоих случаях у него есть крест...»

* С незапамятных времен каждый посвященный перед началом своего высшего испытания посвящением, в древности так же, как и в настоящее время, произносил эти сакраментальные слова... «Я клянусь отказаться от своей жизни ради спасения моих братьев, которые составляют все человечество, если меня призовут, и умереть, защищая истину...»

В амбарвалиях, празднованиях в честь Цереры, арваль (помощник верховного жреца), облаченный во все белое, клал на гостию (груды жертвоприношений) пшеничную лепешку и вино с водой, совершал возлияния и давал испить другим. Жертвоприношения делались тогда верховным жрецом. Это символизировало собой три царства природы — пшеничная лепешка (растительное царство), жертвенная чаша, или потир (минеральное), и мантия (похожее на шарф облачение) иерофанта, конец которой он обматывал вокруг кубка с жертвенным вином. Это облачение изготовлялось из чистой белой кожи ягненка. Современный священник повторяет жест за жестом действия языческого жреца. Он поднимает хлеб и предлагает его для освящения; благословляет воду, которую следует налить в потир, и затем наливают туда вино, окуривает благовониями алтарь, и т.д., и т.д., и, входя в алтарь, умывает руки, говоря: «Я умываю свои руки среди НЕВИННЫХ и

обхожу твой алтарь, о, Господь». Он делает это, потому что древний языческий жрец делал то же самое, говоря: «Я умываю (святой водой) свои руки среди НЕВИННЫХ (полностью посвященных братьев) и обхожу твой алтарь, о, великая Богиня (Церера)». Трижды обходил верховный жрец вокруг алтаря, осыпанного подношениями, неся высоко над своей головой сосуд, покрытый концом своей снежно-белой мантии из ягнячьей кожи...

Священное облачение, одеваемое папой, мантия, «имеет форму шарфа, изготовленного из белой шерсти, расшитого малиновыми крестами». В греческой церкви священник покрывает потир концом мантии, перекинутой через его плечо.

Верховный жрец древности трижды повторял в ходе божественных служб свои «O, redemptor mundi» [О, Спаситель мира] Аполлону, «Солнцу», свои «mater Salvatoris» [мать-Заступница] — Церере, земле, свой *Virgo partitura* — Богине Деве, и т.д., и произносил семь тройных поминовений. (Внимайте, о, масоны!).

Тройное число, столь почитаемое в древности, является столь же почитаемым и сегодня, и пять раз произносится в течение мессы. Мы имеем: три *introibo* («входная», церковная песнь), три *Kyrie eleison* («Господи помилуй»), три *mea culpa* («моя вина»), три *agnus dei* («agneц божий»), три *Dominus Vobiscum*. Истинно масонский ряд! Позвольте нам прибавить к этому три *et cum spiritu tuo*, и христианская месса предоставит нам те же самые семь тройных поминовений.

ЯЗЫЧЕСТВО, МАСОНСТВО И ТЕОЛОГИЯ — такова историческая троица, которая сегодня правит миром *sub rosa* (тайно). Мы закончим с масонским приветствием и скажем:

Прославленные офицеры Хирама Абифа, посвященные и «сыновья вдовы». Царство Тьмы скоро рассеется, но существуют области, которых все еще не коснулась рука ученого, и столь же темные, как египетская ночь.

Fratres, sorbii estote et vigilate!

«Люцифер», март, май 1889 г.